

Беседа 16. Лов меж двух берегов.

Мы переходим к чтению следующего раздела Жития святой княгини Ольги, носящему название **«О великом князе Игоре, како сочтася с блаженною Ольгою»**.

Сказав, что малолетний сын Игорь («яко двою лет») был оставлен отошедшим в вечность Рюриком на попечении своего родственника князя Олега, и заметив, каков был этот попечитель («многим странам одоле и на Цареграде дани и входы взимаше»), авторы Степенной книги продолжают: **«Игорю же юну еще и бывшу ему во Псковской области, яко же неции поведаша дивное сказание, яко некогда ему утешающуся некими ловитвами, и узре об ону страну реки лов желанный»**.

В первых же словах этого подзаголовка читателю открывается яркий и многозначительный образ. Два берега реки, разделённые и в то же время соединённые между собой водой. Два берега реки, как две половины, или, как два пола, и течение воды, как течение связывающей их жизни. Заметим, что русское слово «пол» в значении мужской и женский пол происходит от слова «половина». Также словом «пол» в церковно-славянском языке называется берег. *И по Нем идоша народи мнози от Галилеи и десяти град, и от Иерусалима, и Иудеи, и со онаго полу Иордана* (Мф.4:25). Итак, два берега-пола, и на другом берегу – лов желанный... Вы слышите начало очередной поэмы, читатель?

Словом «лов» авторы Степенной называют охотничьи занятия князя Игоря, но ведь и другое, более высокое, чем простая охота, значение слышится в нём. Нашу догадку о том, что авторы Степенной книги ведут здесь речь об особом лове, подтверждает ещё одно стоящее в этом предложении слово. Это слово – утешение: «утешающуся ему некими ловитвами». Смысл церковно-славянского слова «утешение» рассматривается нами в другой статье этой книги – «Ольгин Псков и град Петров: сравнение двух описаний». Желающие могут заглянуть в неё. Эта статья напрямую касается Степенной книги, но выделена нами в самостоятельную работу, чтобы не увести читательского внимания в сторону.

Так вот, соединение слова «утешение» со словом «ловитва» очень даже странно для авторов Степенной книги, если не допустить предположения, что они хотят сказать об особой ловитве. Почему странно? Дело в том, что авторы Степенной книги крайне неодобрительно отзываются о таком княжеском времяпровождении как охота. В 14-ой главе 1-ой Степени можно прочесть: **«По смерти же Святослави воздвижеся братоубийственная крамола в Руси по образу древниа злобы перваго Каинова братоубийства. Како же и откуда начася братоубийство в русских самодержателях? Начало же бяше таковыя братоненавистныя вражды от ловитвы животных»**. Так кратко и так просто отвечает Степенная книга на вопрос о причине княжеских междоусобиц – ловитва животных.

Наверное, многим читателям наших бесед захочется сказать, что эти слова Степенной книги после открытых Марксом и Энгельсом законов экономического общественного развития звучат как недоразумение и вызывают лишь снисходительную улыбку. Что тут отвечать, дорогие читатели? Нам остаётся только догадываться, какую улыбку вызвали бы «законы» Маркса & Энгельса у авторов Степенной, случись им о них услышать. А улыбка на их устах заиграла бы непременно, потому что существо

человеческой жизни они видели в духе человека, а не в экономике. Каков дух, такова и экономика, то есть общественный и личный дом, в котором живёт человек. Ибо, даже если этот дом исполнен достатка, как переливающаяся через край чаша, но в нём кипят страсти, то не будет в нём истинного мира, как бы не старались производственные отношения соответствовать производительным силам.

Говоря слово «мир», мы разумеем Христов мир, о котором Он сказал: *мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам* (Ин.14:27), а не тот лживый мир, который апостол Павел определил так: *когда будут говорить: "мир и безопасность", тогда внезапно постигнет их пагуба...* (1Фесс.5:3). Впрочем, мы отвлеклись. Мы единственно хотели отметить, что в читаемом нами подзаголовке охотничий лов, который обычно называется авторами Степенной книги «поганским обычаем», в рассказе об Игоре назван непривычным для них словом «утешение».

Итак, **«утешающуюся [Игорю] некими ловитвами, и узре об ону страну реки лов желанный. И не бе ему возможно преити на ону страну реки, понеже не бяше ладьици. И узре некоего по реце пловуща в ладьици. И призва пловущаго ко брегу, и повеле себе превести за реку. И пловущим им, и возре на гребца оного, и позна, яко девица бе, сиа блаженная Ольга, вельми юна сущи, доброзрачна же и мужественна, ея же иногда никогда же не зная, и уязвися видением, яко же писано есть: очи лакоме и некасаемых касахуся. И разгореся желанием на ню, и некия глаголы глумлением творяше к ней»**. Как живо каждое слово этого описания! Доброзрачная девица, уязвися видением, очи лакоме, некасаемых касахуся, разгореся желанием... Всё понятно без пояснений, только странно слышать определение Ольги мужественной. Это слово, конечно же, не означает Ольгиной мужеподобности, оно говорит о её женской зрелости. Так, например, в латинском языке словом «vir» называется и мужчина, и взрослая девушка на выданье.

«Яко же писано есть, - говорит автор Степенной книги о словах: очи лакоме и некасаемых касахуся». Где и кем написаны эти слова? Осмелюсь предположить, что их сказал святитель Григорий Богослов в похвальном слове священномученику Киприану (†02.10.304): «ибо похотливое око – это самое наглое и ненасытимое из чувств, касается даже и неприкосновенного» (Слово 24-е).

Ещё одно выражение, пожалуй, требует пояснений: **«некия глаголы глумлением творяше к ней»**. В церковно-славянском словаре прот.Дьяченко слово «глума» приведено с толкованием: «бесстыдство, распутство». В современном русском языке слово «глумиться», значит насмехаться, издеваться. В Псалтири же слово «глумиться» придаёт стихам, в которых оно стоит, самый возвышенный смысл. *В заповедех Твоих поглумлюся, и уразумею пути Твоя* (Пс.118:15). *Поучуся во всех делех Твоих, и в начинаниях Твоих поглумлюся* (Пс.76:13). В сносках к этим стихам сказано, что слово «поглумлюся» означает «размышляти буду». Да, очень широк разброс значений у слова «глумиться». Какой же смысл оно имеет в прочитанном нами выражении «и некия глаголы глумлением творяше к ней»? Это предложение можно перевести так: и говорил ей бесстыдно некие слова. Что же Ольга?

«Она же уразумевши глумления коварство, и пресекая беседу неподобнаго его умышления, не юношески, но старческим смыслом поношая ему глаголаше: «Что всеу смущаешься, о княже, срам претворяя ми, вскую неподобная во уме

совещевая, студная словеса износиши? Не прельщайся, видев мя юну девицу и уединену, и о сем не надейся, яко не имаши одолети ми. Аще и невежа есмь, и вельми юна, и прост обычай имам, яко же мя видиши, но обаче разумех, яко поругати ми ся хочещи и глаголеши нелепая, его же не хочу ни слышати».

Ольгин отпор на Игоревы ухаживания самый решительный. А ведь перед нею князь, которого она, конечно, давно уразумела в Игоре. Согласитесь, что нелегко было простой и молоденькой девушке не увлечься обольстительными словами и привлекательным видом благородного юноши, сидящего рядом с ней в лодке. Но она не увлеклась. Сейчас мы услышим Ольгину отповедь и её наставления князю Игорю, но прежде обратим внимание на выражение **«обаче разумех, яко поругати ми ся хочещи»**. О ком и о чём идёт речь? Словом «разумех» Ольга говорит о себе: я уразумела. Глагол «разумех» также может быть переведён на русский язык как «я уразумел», т.е. в мужском роде. Почему? Потому что русский глагол прошедшего времени есть на самом деле причастие прошедшего времени славянского языка, которое служило и служит в нём для образования составных глагольных форм и которое, подобно прилагательным, изменяется по родам и числам. Несоставные же глагольные формы славянского языка, т.е. аорист и имперфект по родам не изменяются. Что же в целом значит выражение **«но обаче разумех, яко поругати ми ся хочещи»**? Обаче, значит, однако, а слово «поругаться» имеет здесь смысл «посмеяться», как и в Евангельских стихах: *Он же рече: не плачьтеся: не умре бо, но спит. И ругахуся Ему, ведяще, яко умре* (Лк.8:52,53). В синодальном переводе: *Но Он сказал: не плачьте; она не умерла, но спит. И смеялись над Ним, зная, что она умерла*.

Читаем далее Ольгины слова, сказанные Игорю в лодке. **«Прочее же внимай себе и останися таковаго умышления. Дондеже юн еси, блюди себе, да не одолеет ти неразумие и да не постражеши зло некое»**. Эти слова удивительны. О каком злострадании говорит здесь язычница? О постигающей грешников расплате за грехи? Но что могла знать о Страшном Суде идолопоклонница? **«Останися и всякого беззакония и неправды: аще сам узвзен будещи всякими студодеянии, то како можещи инем неправду възбранити и праведно судити державе твоей»**. А эти слова просто невероятны. Во-1-х, потому, что остановить беззаконие пытается беззаконница. В самом деле, соблюдение какого закона и какой правды требует от язычника язычница? А, во-2-х, что происходит? Девушка учит князя! И чему она его учит? Праведно судить державу!

Беседа 17. Имоверная переправа.

Мы продолжаем чтение разговора двух молодых людей, переправляющихся в лодке через реку. Разговора во всех отношениях необычного, поэтому со вниманием разберём могущие остаться непонятными слова.

«Прочее же внимай себе...», - говорит Ольга Игорю. Что значит стоящее здесь слово «прочее»? Согласно словарю прот.Дьяченко это Ольгино увещание можно перевести так: **впредь внимай себе**, потому что слово «прочее» значит: **«впредь, потом»**. В словаре Срезневского, кроме «впоследствии», «в будущем», даются следующие

значения: «далее», «наконец», «вообще». В «Словаре Древнего славянского языка» А.В. Старчевского дано также: «итак», «следовательно».

Усовестив князя Игоря и преподав ему урок, блаженная Ольга, чтобы уверить собеседника в сугубой серьёзности своих слов, прибавляет угрозу. **«Разумно же да будет ти, аще и паки ныне не престанеши соблажняся о моем сиротстве, то уне ми есть, яко да примет мя глубина реки сея, да не буду тебе на соблазн и сама поругания и поношения угонзну. Ты же прочее не смущаешия о мне».**

Два слова в этой речи требуют пояснения. Первое «уне», второе «угонзну». Впрочем, для воцерковлённых людей они должны быть понятны без пояснений, потому что первое слово встречается в Евангелии. *Аще же око твое десное соблажняет тя, изми е и верзи от себе: уне бо ти есть, да погибнет един от уд твоих, а не все тело твое ввержено будет в геенну* (Мф.5:30). Уне, значит, лучше. А второе слово читается в Великом каноне преподобного Андрея Критского. «На горе спасайся, душе, якоже Лот оный, и в Сигор угонзай». Угонзай, значит, убегай, спасайся.

«И ина многа премудрено о целомудрии глагола», - завершают авторы Степенной книги Ольгину речь и выражают удивление, как от своего лица, так и от лица князя Игоря: **«Се начаток благ и удивления достоин доброумнаго юношескаго целомудрия блаженяя Ольги, еще не ведуци Бога, ни заповеди Его не слыша, такову премудрость и чистоты хранение обрете от Бога, яко удивитися Игорю мужеумному смыслу ея и благоразумным словесем ея».**

Мы уже говорили, что слова, сказанные Ольгой князю Игорю, невероятны. Кстати, если всмотреться в слово «вероятие», то можно увидеть в нём два корня: «вер» и «яти». Яти, значит, брат, принимать. *Вшед, ят ю за руку: и воста девица* (Мф.9:25). Буквальный смысл слова «вероятный» - верою ятый, верою принятый. В церковно-славянском словаре прот.Дьяченко встречается слово с обратным порядком корней: «ятоверный». Слово «ятоверный» есть синоним слова «имоверный», в котором корень «яти» уступил место корню «имети»: имо-верный. Сходным образом составились слова с отрицательными приставками: «невероятный» и «неимоверный». *Аще не вижду на руку Его язвы гвоздинныя, /.../, не иму веры* (Ин.21:25).

Итак, всё сказанное Ольгой князю Игорю настолько неимоверно, особенно то наставление о праведном суде над державою, которое девушка даёт князю, что закрадывается подозрение: а не сочинены ли её слова авторами Степенной книги? В самом деле, в этих словах, а значит и во всём описании лодочной переправы, нет правдоподобия. Так поучать Игоря мог старец или старица, но никак не девица, которую должно было охватить естественное смущение при виде юноши, да ещё и знатного. Робость должна была связать ей уста, а если бы захотела Ольга что-либо сказать, то всё сказанное ей вышло бы по-женски жеманным.

Что ж, нельзя не согласиться с этими доводами уже потому, что Богом было сказано жене: *к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою* (Быт.3:16). Действительно, Ольга не могла от себя поучать князя Игоря, потому что не жена мужем, но муж женою, по слову Божию, *обладати будет*. Итак, если некоторые в согласии с правдоподобием, то мы в согласии со словом Божиим говорим: Ольгины слова не принадлежали Ольге и были вложены в её уста, но только не авторами Степенной книги. А кем?

Прежде ответа на этот вопрос спросим тех, кто хотел бы видеть правдоподобие как в описании переправы Игоря и Ольги, так и во всей церковной книжности: а где правдоподобие в Евангелии? Где правдоподобие в книге Бытия? Как мог пророк Моисей писать о том, чего не только он сам, но никто из людей не видел, то есть творение Богом мира и человека? Где правдоподобие в разговоре архангела Гавриила с Девой Марией? А ведь он читается в храмах на праздник Благовещения в качестве утреннего канона с такими припевами: «Ангел возопи» и «Богородица рече». Кто из смертных мог слышать их разговор? Кто из живых существ мог слышать слова, сказанные Богом при творении мира: *да будет свет* (Быт.1:3)? Где, наконец, правдоподобие в Житиях святых? Там всё невероятно, всё выпадает из общего жизненного русла. Что же могут ответить нам на эти вопросы все ищущие правдоподобия? Впрочем, они могут вместо ответа спросить нас: а чѐм вы докажете, что всё, что тут названо и чему вы безоговорочно верите, не выдуманно?

Чем мы докажем, что разговор князя Игоря и Ольги не выдуман? Тем и докажем, что приведѐм 1150-летнюю историю Российского государства, выстроенного на этом разговоре. Чем мы докажем, что Ольгины речи были внушены ей Святым Духом и произнесены ею так, как они записаны в Степенной книге? Тем и докажем, что приведѐм слова Бѣгодухновенной Псалтири: *Сынове человечести, доколе тяжкосердии; вскую любите суету, и ищете лжи; И уведите, яко удиви Господь преподобного Своего* (Пс.4:3,4). В переводе Юнгерова последний стих звучит так: знайте же, что Господь сделал дивным преподобного Своего. Что это значит? Господь прославил и возвеличил блаженную Ольгу в глазах всех живших, живущих и будущих жить русских людей. Разве столь долгая память о ней не является доказательством правдивости её слов и дел, как они описаны в Степенной книге? Зато вместо псаломских слов *вскую любите суету и ищете лжи* мы можем, применяясь к нашей беседе, сказать: сыны и дочери человеческие, зачем вы ищете правдоподобия в книгах? Зачем любите суетную правдивость? Оставьте земное подобие, ищите Небесного подобия. Ищите вечной Небесной правды, и тогда правота церковных книг откроется вам.

Другой вопрос возникает: как нечестивую язычницу мог осенить Святой Дух и внушить ей столь благородные мысли и слова? Вспомним, пример Корнилия сотника, на которого благодать Святого Духа сошла прежде крещения. *Когда Петр еще продолжал эту речь, Дух Святой сошел на всех, слушавших слово. И верующие из обрезанных, пришедшие с Петром, изумились, что дар Святого Духа излился и на язычников* (Деян.10:44,45).

Святой Дух мог коснуться сердца язычницы Ольги через Ангела-хранителя, который дан каждому человеку. *Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного* (Мф.18:10). Ангел Божий есть у каждого человека, но не каждый человек ощущает его присутствия, вернее сказать, не каждый хочет слушать ангельских советов. Блаженная Ольга их слушала и исполняла. Поэтому далее вышло то, что мы читаем в Степенной: **«И абие Игорь отложь юношеское мудрование свое, наипаче же со стыдением и с молчанием преиде реку, внимая себе о таковых до времени, и оттоле паки иде в Киев».**

Итак, Ольга ли перевезла Игоря? Нет, не Ольга, но Ангел-хранитель перевёз их обоих через речную стремнину. Можно сказать, что лодкой для молодых людей, перенесшей их через опасное течение между двумя полами-берегами, стал Ангел-хранитель. Он же соединил сердца Игоря и Ольги, как о том далее повествуется в Степенной книге. **«Внегда же прииде время и повелению его бывшу изобразити ему невесту на брак, взысканию же бывшу, яко же есть обычаи господству и царстей власти, и о мнозех небреже, но воспомяну дивную в девицах Ольгу, юже виде своима очима мужествену сущу и благообразну, и еже от уст ея слыша хитростныя глаголы и целомудренныи нрав ея виде, и посла по нея сродника своего прежереченнаго князя Олега. И приведе ю с подобающей честью, и тако сочтана бысть ему законом брака».**

Что ж, такой выбор князя Игоря делает ему честь и говорит о его благоразумии.

Беседа 18. Смыслообразующее выстраивание времени.

Следующий подзаголовок Жития блаженной княгини Ольги носит название **«О брани Игореве на Греки»**. Перед его прочтением предлагаю сверить время описываемых в Степенной книге событий с историческими часами. Который на них год? Историки годами правления великого князя Игоря называют 912-945 годы от Рождества Христова.

«Великий же князь Игорь по смерти сродника своего Олега иде на Греки и повоева страны Финическия, и по Понту, и до Ираклия, и до Фафлегонския земли, и всю Никомидийскую землю полони, много же бысть побежено воинство его от грек. И паки Игорь собра многое воинство, иде на Греки. Царь же Роман, тесть царя Константина Багрянородного, сына Премудрого царя Льва, посла лучших бояр своих, и умоли Игоря, и нача давати ему дать выше первыя Олеговы. И взем дань, Игорь возвратися от Дуная в Киев. И родися ему сын Святослав от сея блаженныя Ольги. И тако самодержеству, мир имея ко всем странам».

Вот и всё содержание подзаголовка «О брани Игореве на Греки». Начатый военной сводкой, он заканчивается сообщением о мире. Составители Степенной книги, не распространяясь особо о военной кампании, ни о бедах её, ни о победах, называют прежде всего греческие земли, в которых велись бои, затем именуют царей, с которых была взята дань князем Игорем, и заключают эти известия сообщениями о рождении сына Святослава и о мире со всеми странами. Достаточно или не достаточно этих сведений для отражения отрезка нашей истории, который в интернетовской википедии назван русско-византийской войной 941-944 годов?

«Смотря, как отражать, - ответят слушатели на этот вопрос. - Можно отражать полностью, а можно не полностью. Можно правдиво, а можно, даже не искажая правды, замалчивать её. И уже одно это замалчивание будет неправдой».

Дорогие слушатели! Приступая к чтению Степенной книги, мы подробно говорили о том, что нас в этом чтении будет интересовать прежде всего. История? Да, конечно, наша родная история. Но об истории можно говорить по-разному, и истории как таковой, истории самой по себе нет. Что же тогда есть? История истории, то есть то или иное отношение к ней. Потому, беря в руки Степенную книгу, мы благодарны её

писателям за дарованную нам возможность сравнить своё отношение к истории с их отношением, свои мысли о ней с их мыслями. Как же выражаются мысли? Словом. Поэтому, читая Степенную книгу на языке оригинала (конечно, понимая его лишь в меру наших ничтожных знаний, и приступая к нему на протезах современной орфографии), мы, во-1-х, можем сравнить своё умственно-нравственное состояние с состоянием авторов Степенной книги, а, во-2-х, через чтение на церковно-славянском языке мы научаемся мыслить по-церковнославянски, т.е. мыслить спасительно и благочестиво.

«*Како*, люди, мыслете». Так называются буквы «к», «л», «м» в церковно-славянской азбуке. «Наш, Он, покой, рцы, слово, твердо». А это названия следующих букв, сегодняшнее произношение которых звучит почти как ругательство: «опэрэсэтэ». О чём говорят эти примеры составления буквенных названий в законченные предложения? О том, что даже азбуку наши благочестивые предки старались наполнить душеспасительным смыслом. Поэтому, когда перед умами, устроенными таким образом, вместо букв оказывались исторические события, то как, спрашивается, они могли эти события осмыслить и осветить? Конечно, только душеполезно.

История это наполнение смыслом прошлого, настоящего и будущего, поэтому предметом истории являются не столько сроки и даты, сколько отношение к ним. История это смыслообразующее выстраивание времени, но весь вопрос в том, через увеличительное стекло какого смысла рассматриваются происшедшие события?

Како люди мыслете? Что в наших головах? «Опэрэсэтэ»? Т.е. изложенный в хронологическом порядке набор исторических событий. Или же «наш Он покой»? Т.е. душеспасительное их осмысление. Обратившись к Степенной книге мы, несомненно, найдём в рисуемых ею картинах русской жизни последний из названных примеров, а именно: наш покой в Бге.

Итак, полнота описываемых в историческом произведении событий заключается не в полноте приводимых фактов, а в полноте их осмысления. Полнота же осмысления заключается в спасении. Смысл земной истории – в наследовании Небесного Царства, поэтому всеобъемлющим историческим повествованием должно быть названо такое, в котором исторические факты преподаны душеспасительно, и в котором историк учит своих читателей мыслить о Бге и о созданном Им мире благочестиво.

История, которая не подчинена цели спасения – не история. Для чего она писалась? Для «опэрэсэтэ»? А почему не для «тэсэрэпэо»? Или для какой-либо другой последовательности букв? Азбука, не наполненная спасительным смыслом, будет не просто бессмысленна, она будет губительна. Так и история будет нести в себе губительный смысл, если не будет ставить перед собой цели наследования вечности. Это будет не история, но безостановочная фотосъёмка, когда кажется, что, чем больше фотографий сделано, тем полнее отражена жизнь. Жизнь отражается не количеством снимков, но тщательным их отбором. Жизнь отражается духовным наитием. Жизнь отражается поэтом в совершенном образе. В этом отношении Священное Писание – образец спасительной истории, его описания и образы воистину священны.

К чему это говорится? Мы поставили вопрос о том, достаточен или недостаточен перечень приведённых в Степенной книге известий о войне, которую вели русские с Византией в середине 10-го века? Вопрос не праздный, поскольку многое из того что

сообщено, например, в Повести временных лет, не вошло в Степенную книгу. Так, в Степенной книге не сказано о «греческом огне», настолько поразившем русских воинов, что они сравнивали его с молнией. «Будто молнию небесную, - говорили они (согласно Повести), - имеют у себя греки и, пуская её, пожгли нас; оттого и не одолели их».

Также ни слова не сказано в Степенной книге о жестокой расправе русских захватчиков с местными жителями, о чём не умолчала Повесть: «И пришли, и подплыли, и стали воевать страну Вифинскую, и попленили землю по Понтийскому морю до Ираклии и до Пафлагонской земли, и всю страну Никомидийскую попленили, и Суд весь пожгли. А кого захватили - одних распинали, в других же, перед собой их ставя, стреляли, хватали, связывали назад руки и вбивали железные гвозди в головы. Много же и святых церквей предали огню, монастыри и села пожгли и по обоим берегам Суда захватили немало богатств».

Сопоставляя известия Степенной книги и Повести временных лет, мы можем легко догадаться, что за словами Степенной **«много же бысть побежено воинство его [Игоря] от грек»** стоит неназванная в книге мощь греческого оружия, т.е. всепожигающий, как молния, «греческий огонь». А за словами **«всю Никомидийскую землю полони»** стоит умолчанное в книге бесчеловечное обращение русских воинов с пленными. Как относиться к такого рода умолчаниям? Выходит, что из песни слово выкинешь? Нет, не выкидывают, но составляют свою историческую песнь авторы Степенной книги, поэтому берут в неё только нужные им слова.

Беседа 19. Небесный патриотизм

Вникая в содержание подзаголовка **«О брани Игоре на Греки»**, мы задались вопросом, почему некоторые, несомненно известные составителям Степенной книги факты русской истории не нашли в ней отражения. Не потому ли, что эти факты были непатриотичны? Действительно, зачем было русским историкам говорить о «греческом огне», погубившим войско князя Игоря, а также о грабежах и зверствах, учинённых русскими ратниками на захваченных у православного государства землях? Незачем было им распространяться об этих фактах, вот они их и замолчали. Такой ответ должен прежде всех других ответов прийти в голову современного человека. Он же должен вызвать подозрения в правдивости Степенной книги. Что ж, дорогие читатели, давайте разбираться с подкравшимся к нам сомнением в добросовестности составителей «Степенной книги царского родословия».

Начнём с патриотизма. Он у авторов Степенной как и у нас, православных христиан, один – Небесный. Они на Небо степени своих исторических описаний возводят, туда же и своих читателей влекут. Поэтому тот патриотизм, который в настоящее время именуется «русским», «российским», «национальным» или ещё каким-то земным патриотизмом, им был неведом. Мы уже подчёркивали эту особенность Степенной книги, что дохристианские князья Рюрик, Игорь и Святослав не имеют своих степеней. Хотя, конечно, авторы Степенной были русскими людьми, и ничто русское им не было чуждо, поэтому они пишут, что **«не в новых бо летех Руская земля многа и велика пространством и неисчетна сильна воинством, но велми от древних лет и времен многим странам и царством страшни бяху и многим**

одолеваху». Иными словами, не только теперь Русская земля велика пространством и сильна воинством, она была такой от древних лет, с достоинством пишут авторы Степенной в 6-ой главе 1-ой степени. Сильна-то она была сильна, да не умна и не просвещена святым Крещением, потому и не включена некрещённая Русь в степенный счёт.

Итак, не столько патриотические, сколько идейно-художественные причины были у авторов Степенной книги на то, чтобы не упоминать о названных в Повести временных лет подробностях Игорева брани против греков. Они и об Олеговом походе на Царьград в 907 году, куда более удачном, но столь же безжалостным, как и Игорев, не многое говорят на страницах своей книги в сравнении с Повестью временных лет.

Почему о том, что Повесть пишет подробно, Степенная только вкратце упоминает? Именно потому, что у историков разные цели. Составители Повести, если опять вспоминать о патриотизме, были вовсе его лишены. Они с настоящим христианским смирением и с беспрекословным монашеским послушанием переписывали в Повесть временных лет все известия из греческих источников, которые касались русской истории, как бы горьки они не были в некоторых своих подробностях. Каких подробностях? «И пришел [Олег] к Царьграду: греки же замкнули Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств сотворил в окрестностях города грекам, и разбили множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают враги».

Этот отрывок из Повести временных лет производит такое впечатление, будто он слово в слово переписан из византийской хроники. Не мог монах его не переписать, ибо в нём затрагивалась русская история, но не мог он его и исправить, ибо он писал за послушание летопись, а не исторический роман.

Однако какой величины нечувствие к внутреннему состоянию монаха-летописца надо было иметь, чтобы сказать, что «два Олеговых похода на Царьград /.../ раздуваются в казённой летописи как бы в нечто героическое, но получается отталкивающая картина диких разрушений и грабительских погромов. /.../ В высоком стиле нашей летописи до сих пор чувствуются следы того богатырского эпоса, который до письменности и параллельно с ней в былинных поэмах и песнях прославлял на придворных пирах все эти устаревающие, выходящие из моды, богатырские подвиги конунгов». Это о ком? Неужели о преподобном Несторе-летописце? Певец конунгов на придворных пирах? Что за бред? Пусть даже составителем первоначальной редакции Повести временных лет был не Нестор, но какой-то другой Киево-Печерский монах, это ничего не меняет, поскольку все они были единого духа, собравшего их в общежительный монастырь. Какой же дух мог быть у составителя Житий святых мучеников Бориса и Глеба и преподобного Феодосия? Неужели он был последователем «богатырского эпоса»?

Кто автор этих странных выводов о нашей, как он её называет, «казённой летописи»? Каким духом наполнен он сам, что сумел так своеобразно прочесть Повесть временных лет? Он и далее говорит о ней в подобных выражениях: «самохвальный рассказ о технических ухищрениях для осады стен КПля», «русская летопись трубит и трубит на русско-славянском языке...» Кто это пишет? Это пишет историк

А.В.Карташев (1875-1960), последний обер-прокурор Святейшего Синода, а после его упразднения министр вероисповеданий Временного правительства...

Дорогие читатели! Позвольте нам прервать чтение «Степенной книги царского родословия». Мы надеемся вернуться к нему, когда увидим её тексты не на протезах современной гражданской азбуки, но написанными живыми церковнославянскими буквами.